

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Кудлай Оксаны Сергеевны
на тему: «Литературная исповедь и её трансформация
в прозе русского зарубежья»
по специальности 5.9.3 «Теория литературы»

Оценивая представленную к защите диссертацию О.С. Кудлай, остановлюсь прежде всего на ее несомненных достоинствах. Подчеркну, что, на мой взгляд, работа полностью соответствует требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным сочинениям подобного уровня и жанра, и по содержательному своему наполнению, и по формальным признакам. Соискательница посвятила свой труд важной и актуальной теме, дополняющей и развивающей теоретико-литературные аспекты отечественного литературоведения. Очевидно, что современные представления о жанровой системе русской литературы XX–XXI вв. нуждаются в серьезных уточнениях и дополнениях, а классическая схема, представленная в отечественных и зарубежных учебниках, несколько устарела. Речь прежде всего идет о явлении гибридизации, возникновении гибридных жанров и жанровых разновидностей, расширении нарративных и дискурсивных практик в самом широком культурном пространстве. В этом смысле обращение О.С. Кудлай к феномену литературной исповеди видится актуальным и научно значимым.

Предложенный соискателем в диссертации подход в значительной степени расширяет представления не только о существующих жанрах и субжанрах и происходящих в этой сфере изменениях, но и в немалой степени проясняет механизм формирования новых жанровых разновидностей. Представленный в диссертации материал, его анализ и сделанные на основании последнего выводы подтверждают высказанную соискательницей гипотезу о самостоятельности и значимости литературной исповеди как

теоретико- и историко-литературного феномена, а также позволяет проследить основные пути ее трансформации в прозе русского зарубежья.

Переходя непосредственно к оценке содержания диссертации, отмечу, что крайне привлекательно выглядит стройность и логичность предложенной конструкции.

Сформулированные во введении цель и задачи квалификационной работы, основные положения, выносимые на защиту, предопределили ее многоуровневую структуру. Исходя из необходимости представить как теоретический, так и историко-литературный (практический) аспекты проблемы, О.С. Кудлай выделяет несколько проблемных узлов. В первых трех главах феномен исповеди рассмотрен в историко-культурном (Глава 1. Исповедь как культурный феномен) и в историко-литературном (Глава 2. Исповедь в художественной литературе: истоки и формы) измерениях, а также в ее литературоведческих интерпретациях (Глава 3. Исповедь в литературоведении: проблемы и перспективы изучения). В связи с этим не могу не отметить широкую эрудицию соискательницы, ее умение работать с различными типами текста – от собственно литературного до религиозного, свободную ориентацию в философской, теологической и исторической проблематике, владение жанром аналитического обзора и т. д. Это позволило автору показать всю многоаспектность и противоречивость исповеди как явления культуры и словесности.

Прослеживая генезис литературной исповеди от ее раннехристианских и даже древнеиудейских истоков, О.С. Кудлай намечает ее эволюцию к исповеди как к явлению литературному. В целом этот материал воспринимается со значительным интересом, однако при этом заставляет задаваться неизбежными вопросами. Прежде всего: насколько обоснованно столь глубокое погружение в историко-культурный, в частности, религиозный аспект проблемы, тем более что при ограниченности допустимого объема главы соискательница вынуждена идти по пути схематизации и упрощения общей картины. К тому же необходимо учесть, что механизм взаимоотношений религиозной и литературной исповеди в целом понятен, и, на наш взгляд, О.С. Кудлай достаточно было ограничиться краткой

констатацией этого факта во Введении или в историко-литературной главе. Подчеркнем, что подобная «избыточность» не является недостатком, но работа не проиграла бы, если бы имела более компактный вид, а часть ее объема, отданная «смежному» материалу, была бы перераспределена в пользу собственно теоретико- и историко-литературной проблематики.

В целом в работе предложена стройная и достаточно убедительная картина движения исповедального нарратива – от собственно религиозной исповеди, христианской, к жанру, точнее сказать, к форме исповеди литературной и – шире – художественной. Ее эволюция прослежена на весьма обширном материале европейских, американской и русской литератур, названы образцы литературных исповедей – от текстов Блаженного Августина до соответствующих произведений XX века. Это та самая литературная почва, на которой исповедь как самостоятельное явление литературы прорастает и обретает свою форму и свое место в жанровой системе мировой и отечественной прозы. Впрочем, сосредоточившись на прозе, О.С. Кудлай указывает и на присутствие исповедального начала в поэзии и драматургии. Однако эта часть мирового литературного процесса, в соответствии с поставленными задачами, не входит в исследовательское поле диссертации.

Отметим, что похвальное, казалось бы, стремление соискательницы расставить все точки над *i* в решении терминологических вопросов не всегда кажется продуктивным. Так, при ближайшем рассмотрении сформулированная как проблема необходимость разведения понятий «исповедь» и «исповедальность» оказывается, мягко говоря, надуманной, поскольку в приведенной цитате из монографии М.С. Уварова речь идет о синонимичности понятий «исповедь» и «исповедальный жанр» (с. 83). Однако в целом сделанный О.С. Кудлай вывод правомерен: понятия «исповедь» и «исповедальность» принадлежат разным сферам. Первое относится к типам нарратива, второе – к нарративным интенциям. Здесь, как кажется, диссертанткой намечается перспектива дальнейшего исследования: Возможно ли существование исповеди без исповедальности? Является ли исповедальность неотъемлемым условием исповеди как соответствующего

нарратива? Возможен ли вариант антиисповедальности, особенно в пространстве постмодернистского текста?

Таким образом, можно согласиться с конечным выводом соискательницы, утверждающей, что ей удалось «уточнить формы функционирования исповеди в художественной литературе (вставной эпизод, самостоятельное эстетически завершенное произведение и прием прямого психологического изображения), выделить и обосновать формально-содержательные признаки художественной исповеди, установить границы между исповедью и исповедальностью» (с. 149).

Среди несомненных достижений диссертации – представленный анализ концептуального понимания феномена исповеди М.М. Бахтиным. О.С. Кудлай а вдумчиво и серьезно работает с непростым бахтинским материалом, вполне обоснованно выстраивая цепь бахтинских наблюдений над исповедью – от «Автора и героя в эстетической деятельности» до книги о Достоевском, особенно второй ее редакции. Отмечу только, что исповедальный вектор характерен и для более раннего Бахтина, в частности, я бы сказал, ответственной исповедальностью отмечен его первый текст – заметка «Искусство и ответственность» (1919). Не менее значимо и присутствие исповеди в известном фрагменте трактата «К философии поступка», где возникает понятие «авторской исповеди». Все это происходит в процессе конструирования Бахтиным своей «нравственной философии», предшествующей «Автору и герою» как части «Эстетики словесного творчества».

Наиболее значимой в общем контексте исследования, по нашему мнению, является четвертая глава диссертации «Художественная исповедь в прозе русского зарубежья», в которой дан практический анализ того, как литературная исповедь укореняется и развивается в опыте представителей трех волн русской эмиграции. Впрочем, кажется, что О.С. Кудлай и здесь несколько усложнила свою задачу, попытавшись представить феномен исповеди в каждой из трех волн. Объективные сложности возникли со второй волной, представленной в реальности куда более скромным набором имен и произведений в сравнении с первой или третьей. При этом выбор романа Н.В.

Нарокова «Мнимые величины» (1952) представляется вполне оправданным, а включенный в него фрагмент исповеди крайне показательным. Набоков – Нароков – Лимонов – писательская триада, которая, по убеждению диссертантки, наглядно демонстрирует своим творчеством возможности исповедального нарратива в ситуации всех трех периодов: 1920–30-х, 1950–60-х и 1970–90-х гг. На этом фоне вполне логично возникает фигура Достоевского, чей опыт исповедальной прозы является ориентиром и одновременно объектом полемики не только для В.В. Набокова в «Соглядатае» и «Отчаянии», но и для Э.В. Лимонова в «Это я – Эдичка». Нельзя не заметить, что диссертантка сосредоточивает свое внимание по преимуществу на антиисповедях, однако можно согласиться, что именно данный тип произведения наиболее ярко и рельефно представлен в литературной практике эмиграции.

Очевидно, что выбор имен – одна из наиболее сложных и дискуссионных задач для любого исследователя. Соглашаясь с выбором О.С. Кудлай и не подвергая его сомнению, позволю себе предположить, что ее историко-литературные наблюдения явно усилило бы введение в текст четвертой главы таких примеров «эмигрантской исповеди», как заключительное письмо в романе В.Б. Шкловского «Zoo. Письма не о любви или Третья Элоиза», «Волшебник» В.В. Набокова или отдельные фрагменты прозы Б.Ю. Поплавского. Оттенить художественные новации Э.В. Лимонова позволили бы отсылки к романам А.Т. Гладилина «Меня убил скотина Пелл» или Н.Г. Медведевой «Мама, я жулика люблю». Обращение к роману А.Т. Гладилина было бы особенно уместно в силу того, что как раз с его именем связано возникновение в середине 1950-х гг. советской «исповедальной» прозы («Хроника времен Виктора Подгурского», 1956).

Естественно, что такая масштабная и серьезная работа не может быть лишена недочетов. По преимуществу они носят технический или политехнический характер и не влияют на самую высокую оценку диссертации в целом. Так, автором допущена неточность в названии первой редакции книги М.М. Бахтина о Достоевском: «Проблемы поэтики Достоевского» вместо «Проблемы творчества Достоевского» (с. 6). Вызывает

сожаление то, что характеристику феномена русского зарубежья: «...понятие “русское зарубежье” возникло в 1910–1920-х гг. в связи с массовым характером данного явления» (с. 152) – диссертантка дает с опорой на давний учебник В.В. Агеносова, хотя за последние 20 лет появилось значительное количество масштабных академических исследований по проблемам литературы и культуры эмиграции. К тому же автор цитируемого учебника на указанной странице использует термин «российское зарубежье». Не представляется правомерным проведение О.С. Кудлай параллели между заглавиями автобиографии Р. Кента «Это я, Господи» (1955) и романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка» (с. 224–225), поскольку речь идет о совершенно различных синтаксических конструкциях.

Высказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования.

В завершение укажем на несомненную теоретическую и практическую значимость диссертации. Выводы соискателя о жанровой специфике литературной исповеди могут быть использованы для уточнения характеристик жанровой системы современной отечественной прозы, а представленные в работе конкретные разборы литературных произведений могут найти свое место в специальных учебных курсах, посвященных, скажем, жанровым особенностям прозы русского зарубежья.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.3 – «Теория литературы» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат и публикации в полной мере отражают содержание диссертации.

Таким образом, соискатель Кудлай Оксана Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 – «Теория литературы».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор, старший научный сотрудник
научного бюро ФГБОУ ВО «Мордовский
государственный педагогический университет
имени М.Е. Евсевьева»
ОСОВСКИЙ Олег Ефимович

28.04.2025

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация:

10.01.05 – Литература народов Европы, Америки и Австралии

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

430007, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11а,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Мордовский государственный педагогический университет имени
М.Е. Евсевьева», научное бюро
Тел.: 8(8342)339250; e-mail: office@mordgpi.ru